

Губы как цветок лотоса, сердце как меч.

Настоящее:

Когда Хань Цзя вернулся с аптечкой, Цзян Сяонин стоял на том же месте, прикоснувшись рукой к губам, словно о чем-то размышляя. Затем он поднял голову, посмотрел на вошедшего Хань Цзя и медленно сказал:

- Ты меня уже однажды укусил.

Хань Цзя поставил аптечку на стол и открыл ящик в поисках чего-то, полностью игнорируя его. Низкий голос Цзян Сяонина раздался сзади него, но он не смог разобрать его настроение.

- Ты не помнишь? Рана все еще там, хочешь посмотреть?

Как только Хань Цзя нашел то, что хотел использовать, он обернулся и увидел, что Цзян Сяонин в процессе расстегивания рубашки.

- Я не хочу это видеть! - нахмурившись, сказал Хань Цзя и потянулся к правой руке Цзян Сяонина. На этот раз Цзян Сяонин послушно протянул руку. Под светом он увидел отвратительные следы зубов и пятна крови, после чего Хань Цзя взял стерилизованный ватный шарик и спирт и промыл рану. Затем он взял темную фарфоровую бутылочку и насыпал в нее порошкообразное вещество темно-желтого цвета.

Это вещество было своего рода местным лекарством, которое довольно эффективно останавливало кровотечение. Единственное, боль после этого была, конечно, не маленькой. Хань Цзя осторожно и не спеша нанес лекарство на рану. Однако Цзян Сяонин, казалось, не чувствовал боли и просто молчал.

Даже когда Хань Цзя перевязывал ему руку, он все еще молчал. Его голова была опущена, и он молча смотрел на свои руки, погрузившись в раздумья.

Когда Хань Цзя закончил и повернулся, чтобы убрать вещи, Цзян Сяонин наконец-то сделал шаг вперед. Он уперся обеими руками в стол и обнял Хань Цзя.

Свет в комнате был очень ярким, и их отражение в стеклянной двери было довольно четким. Их поза создавала впечатление, что они влюбленные. Хань Цзя посмотрел на него и слегка нахмурил брови.

Цзян Сяонин рассмеялся и прошептал ему на ухо.

- Я точно смогу трахнуть тебя сегодня. Если ты мне не веришь, хочешь проверить?

- Извини, завтра занятия. - холодно ответил Хань Цзя, бросив на стол ножницы и бинт.

Голос Цзян Сяонина почти наполнился презрением:

- Пока ты не зарежешь меня до смерти, я буду хотеть тебя трахать.

Хань Цзя почувствовал, что это действительно невероятно, он посмотрел на отражение Цзян Сяонина и холодно рассмеялся.

- Цзян Сяонин, ублюдок, ты совсем не изменился.

Цзян Сяонин, отражавшийся в стекле, пристально смотрел ему в глаза. Хань Цзя не успел четко разглядеть эмоции в этих глазах, когда сцена перед ним внезапно повернулась. Одной рукой Цзян Сяонин крепко обхватил его за талию и потащил.

Хань Цзя вскинул руку, чтобы схватить ножницы, лежавшие на столе, но Цзян Сяонин ловко поймал его запястье и остановил. Казалось, что ладонь, которая была практически откушена клыком тигра, все еще обладала невообразимой силой. Под такой силой пальцы Хань Цзя не послушались его приказа, и ножницы упали на пол.

Он боролся и крутил своим телом, безжалостно отбрасывая ногу назад. Цзян Сяонин фыркнул, присел на колени и, просунув руку под ноги Хань Цзя, поднял его и бросил на кровать. Не успел Хань Цзя перевернуться, как Цзян Сяонин уже прижал его к себе. Снова завязалась схватка. Кровать и раньше была в беспорядке, но теперь все было еще хуже, настолько, что никакие слова не могли описать это. Новое постельное белье, только что купленное Цзян Сяонином, было разбросано, половина простыней была утащена под кровать. Даже рукава качественной рубашки Цзян Сяонина были оторваны. В итоге, когда Хань Цзя оказался под Цзян Сяонином, он почувствовал, что все его тело болит. Болели шея, спина, руки и ноги, но он изо всех сил старался подавить болезненные стоны.

Он мог только задыхаться и злобно смотреть на Цзян Сяонина, лежащего на нем.

Цзян Сяонин тоже задыхался, но выражение его лица было гораздо более спокойным, чем у него. Он поднял обе руки Хань Цзя и одной рукой положил их себе на голову, а другой рукой нежно погладил лицо Хань Цзя.

- Вот кто совсем не изменился, так это ты. - сказал он с холодной улыбкой. - Пожертвовать все свои деньги, скрыть свою личность и спрятаться в этом нищем горном городке... ты думаешь, что ты действительно изменился? Ха!

Услышав это "Ха!", полное презрения и гнева, Хань Цзя почти подумал, что плюнет ему в лицо, чтобы выразить свое презрение.

Его грудь быстро поднималась и опускалась, наполовину из-за драки, а наполовину из-за обвинения. Не зная, как ответить, он мог только продолжать смотреть на Цзян Сяонина.

- Ты думаешь, что это может стереть твоё прошлое? Искупить все твои грехи?

Сила в руке Цзян Сяонина возросла до такой степени, что Хань Цзя почувствовал, что его запястье сейчас сломается.

- Ты думаешь, что помогая этим людям строить школу и преподавать, ты становишься хорошим человеком? Не забывай о самой большой ошибке, которую ты совершил. Не забывай о той, о которой ты больше всего сожалешь! Посмотри на меня, посмотри на меня! - Его голос становился все более и более эмоциональным. - Как ты можешь не думать о том, чтобы искупить свои грехи передо мной? Как ты собираешься искупить свою вину за все, что ты мне сделал? Почему ты не думаешь о том, чтобы получить мое прощение?!

Хань Цзя посмотрел на него и хотел просто громко рассмеяться.

- Цзян Сяонин, ты все еще используешь ту же тактику, пытаешься заставить меня чувствовать себя плохо? Разве тебе не надоело использовать одно и то же дерьмо после пяти лет?

Увидев выражение его лица, Цзян Сяонин упал, и в этот момент Хань Цзя увидел лицо, полное

страха и обиды, как будто он собирался заплакать... как и пять лет назад. Но это выражение быстро исчезло, а глаза Цзян Сяонина стали еще более мрачными и безжалостными. Эти слова сумели разозлить его и через секунду палец Цзян Сяонина безжалостно вонзился в его тело.

Хань Цзя попытался расслабить свое тело, чтобы облегчить эту давно забытую боль. Из его рта вырвался соблазнительный вздох, он слегка прищурил глаза и посмотрел на Цзян Сяонина.

Пять лет назад Цзян Сяонину больше всего нравилось выражение его глаз. Было ясно, что за прошедшие пять лет его интерес ничуть не изменился. Его дыхание стало тяжелым, а движения - более интенсивными.

Когда он перевел взгляд с лица Цзян Сяонина на потолок, яркая лампочка создала ореол в поле зрения Хань Цзя, отчего у него закружилась голова.

Это был не палец Цзян Сяонина из его памяти. Он больше не был гладким и тонким, и... он больше не был нежным. Это был мужской палец с тонким слоем мозолей, твердый и сильный, без колебаний, без жалости.

Хань Цзя позволил себе издать приятный носовой звук - обе его руки были крепко сжаты над головой, а ногти впились в ладони. Не из-за страсти, которая мешала ему сдерживаться, и даже не для того, чтобы отвлечься от боли, просто ему пришлось сжать кулаки, чтобы скрыть непроизвольную дрожь, овладевшую его телом.

Последним, кто лежал на нем, был не Цзян Сяонин, а лидер преданной им преступной группировки Луо Дун.

Прекрасные воспоминания всегда так легко исчезают, а кошмары остаются навсегда.

Хань Цзя поспешно задышался и терпел второй и третий палец Цзян Сяонина.

"Ты не можешь закрыть глаза, Хань Цзя, ты не можешь избежать этого." - сказал он себе, глядя на свет над головой. Даже когда глаза болели от сухости и раздражения, он все равно отказывался их закрывать.

Когда пальцы отстранились, он глубоко вдохнул, пока обжигающе горячее ощущение не прижалось к нижней части его тела. Он медленно выдохнул... даже спустя пять лет его тело все еще знало, что делать, чтобы уменьшить физиологическую нагрузку.

Когда густой и твердый предмет устремился внутрь, он был неожиданно заблокирован. Хань Цзя вытянул ноги и обхватил ими талию Цзян Сяонина, пытаясь выровнять собственную позу.

Подушка была подложена под его талию, а Цзян Сяонин выпустил обе руки Хань Цзя и крепко обхватил его за талию. На этот раз он успешно вошел, его дыхание было наполнено восторгом и наслаждением. В ответ Хань Цзя издал возбуждающий стон и заставил свою талию двигаться. Цзян Сяонин начал двигаться. Толчки были быстрыми и грубыми, как будто он выплескивал какие-то эмоции. Хань Цзя был захвачен им, он непрерывно раскачивался, заставляя ореол в его поле зрения постоянно дрейфовать, меняя семь цветов, отбрасывая красивые свет и тени на сетчатку глаза.

"Не думай, не думай больше об этом." - пытался сказать он себе. "Он - Цзян Сяонин, он просто Цзян Сяонин."

Но он ничего не мог поделать. Мужчина, лежащий на нем сейчас, был не тем Цзян Сяонином,

что был пять лет назад. Независимо от нежных прикосновений или интенсивности ударов... ни то, ни другое больше не было знакомо.

"Нет, это знакомо..." - Хань Цзя сдержал очередную волну отвратительной дрожи. Эта сцена была слишком знакомой, настолько знакомой, что даже его органы сжались...

Человек, пришедший ради мести, отомстил ему. Он совсем не дорожил своими поступками и отношением. Он отказывался целовать его губы и говорил ему в уши пошлые и злобные фразы... Это заставило бы человека испугаться и унизиться, смерть так сладка...

"Не думай об этом, не думай об этом." - Хань Цзя наконец плотно закрыл глаза, но от темноты ему стало еще страшнее. Он задыхался и снова открыл глаза. Слезы, наконец, потекли по уголкам его глаз и смешались с холодным потом на лбу.

<http://bllate.org/book/14198/1251313>